

RU

Когнитивно-лингвокультурная модель концептуальной оппозиции УМ/СЕРДЦЕ в современном поэтическом дискурсе

Колесникова О. И., Чжан Цян

Аннотация. Цель исследования – разработать когнитивно-лингвокультурную модель членов семантического бинарного комплекса УМ/СЕРДЦЕ на основе анализа репрезентантов двух одноименных концептов в современной русской поэзии (по данным поэтического корпуса Национального корпуса русского языка). В состав модели вошли выявленные семантические характеристики каждого из членов бинарной оппозиции. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые на материале современного поэтического дискурса в двух аспектах – когнитивном и лингвокультурном – моделируется семантическое пространство концептуальной оппозиции УМ/СЕРДЦЕ. Установлено, что наиболее разнообразными семантическими характеристиками по сравнению с оппозициантом УМ обладает член оппозиции СЕРДЦЕ, доминирующий в современном дискурсе поэзии и количественно. Результатами исследования являются метафорические модели «сердце – поэтизированное живое существо», «сердце – вместилище горьких чувств, отчаяния и потерянности», характерные для дискурса поэзии 90-х гг. XX в., «сенсорная модель объективации признаков концепта СЕРДЦЕ», а также модель концепта «УМ – носитель человеческих качеств», включающая характерные для поэтической интерпретации ума разнополярные оценочные признаки.

EN

Cognitive-linguocultural model of the conceptual opposition MIND/HEART in contemporary poetic discourse

O. I. Kolesnikova, Qiang Zhang

Abstract. The purpose of the study is to develop a cognitive-linguocultural model of the members of the semantic binary complex MIND/HEART based on an analysis of the linguistic exponents representing these two concepts in contemporary Russian poetry (using data from the Poetic Corpus of the Russian National Corpus). The resulting model incorporates the identified semantic characteristics of each member of the binary opposition. The scientific novelty of the study lies in the fact that, for the first time using contemporary poetic discourse material, the semantic space of the conceptual opposition MIND/HEART is modeled across two dimensions: cognitive and linguocultural. It was established that compared to its opponent MIND, the opposition member HEART possesses the most diverse semantic characteristics and quantitatively dominates contemporary poetic discourse. The main results of the study include the metaphorical models “the heart as a poeticized living creature” and “the heart as a container of bitter feelings, despair, and lostness” (characteristic of poetic discourse in the 1990s), a “sensory model for objectifying the features of the HEART concept”, as well as a model of the concept “MIND as a bearer of human qualities”, which includes heteropolar evaluative features characteristic of the poetic interpretation of mind.

Введение

В поэтической картине мира народа отражаются черты его мировидения, так как произведения поэтического творчества – наиболее яркий, самобытный и креативно репрезентируемый материал, который в эстетических способах авторского самовыражения являет наиболее значимые, концептуально важные объекты осмысления как национально-специфичные ценности той или иной лингвокультуры. Актуальность лингвокультурного исследования дискурса поэзии, реализуемого на основе когнитивного подхода к фактам языка,

объясняется тем, что изучение языковой объективации признаков концептов в их поэтической интерпретации дает доступ не только к картине мира народа, но и к индивидуальному подсознанию авторов, в котором, как отмечает В. В. Воробьев, «информация хранится в образной и чувственной форме, складываясь из архаичных содержаний памяти, из генной информации предков, а также из прижизненно полученной информации» (2015, с. 225).

Поэтический дискурс мы рассматриваем как языковое пространство, в котором совершается коммуникативное событие передачи авторской интенции, преломленной в особом – художественном – модусе языковой действительности. Важное место в получении лингвокультурной информации занимает анализ концептуальных оппозиций, определяющих «внутренние» взаимоотношения культурных концептов национального сознания. Актуальные для этноса концепты имеют значение для передачи «непреодолимых» ценностей, так как результаты концептуализации этих ценностей играют свою роль в создании и сохранении культурной идентичности членов языкового сообщества.

Языковые реализации членов оппозиции предлагается рассматривать как лингвокультурные феномены. В целом такие феномены можно определить как *обладающие специфичными семантико-прагматическими признаками единицы дискурса – главным образом лексемы и фразеологизмы, репрезентирующие ментально-эмоциональные образования авторского сознания, характерные для дискурса любого вида, в том числе поэтического, как воплощение той или иной национальной лингвокультуры в определенный период времени*. Множество (совокупность) таких реализаций образует вербализованное средствами языка – лингвокультурами – концептуальное пространство лингвокультуры.

Актуальность исследования обусловлена также востребованностью моделирования в современной лингвистической науке и в целом в гуманитарных исследованиях. Лингвокультурные модели служат средством обобщения выявленных свойств изучаемого объекта, так как они, во-первых, отражают фактический языковой материал национальной лингвокультуры, извлеченный из дискурса в заданных хронологических рамках, и, во-вторых, позволяют продемонстрировать ментально-эмоциональную специфику объекта во всей сложности его «устройства». Содержательный состав модели показывает каждую обнаруженную характеристику как уникальную черту в координатах концептуализации – в данном случае художественной. Единицами предлагаемой нами модели выступают семантические характеристики, реализуемые в современном поэтическом дискурсе через лексемы *ум* и *сердце*, объективирующие общие для лингвокультуры и характерные для нее концептуальные признаки.

Достижение поставленной цели исследования осуществлялось путем решения следующих задач:

- сформировать исследовательский языковой корпус посредством извлечения фактов реализаций поэтических концептов УМ и СЕРДЦЕ из поэтического корпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и систематизировать факты в зависимости от реализуемых в них семантических характеристик;
- установить ведущие семантические характеристики каждого члена бинарного комплекса УМ/СЕРДЦЕ, реализуемые в поэтическом дискурсе;
- смоделировать на их основе концептуально-семантическое пространство отечественной поэзии, представляющее фрагмент картины мира субъектов дискурса – поэтов как носителей национальной лингвокультуры.

При решении поставленных задач применялся комплекс методов: корпусный метод, с помощью которого на основе поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка формировалась репрезентативная выборка фактов; сочетание методов концептуального и семантического (компонентного) анализа, а также контекстуальный (интерпретативный) анализ фактов, позволившие установить искомые характеристики членов оппозиции в поэтическом дискурсе (образующие в целом когнитивно-дискурсивный анализ), а также метод моделирования, заключающийся в выявлении ключевых для каждого члена анализируемой оппозиции семантических характеристик и их систематизированном представлении в ряде моделей (Тарасова, 2020).

В качестве материала исследования использовались около 1043 поэтических контекстов, содержащих лексические репрезентации концептов УМ и СЕРДЦЕ в одноименных лексемах. Источником сбора фактов послужил поэтический корпус НКРЯ. Проанализированный и систематизированный массив извлеченных из поэтического корпуса контекстов (с обязательным обращением к полнотекстовым произведениям) представлен 812 контекстами с лексемой *сердце* и 231 контекстом с лексемой *ум*. С помощью автоматизированного поиска и извлечения выборки для ее формирования были заданы хронологические рамки 1987–2021 гг. Левая граница объясняется появившимся на картину мира авторов временем начала «слова эпох» (советской и переходной), правая – фактическим наличием материала в НКРЯ до 2021 г. включительно.

Теоретической базой исследования послужили труды, в которых раскрываются ключевые положения современной антропологической лингвистики о поэтической картине мира (Язык и национальное сознание..., 2002; Маслова, Пименова, 2025; Маслова, 2015; Тарасова, 2019; Чумак-Жунь, 2014), в рамках которой объективируются концептуальные признаки членов семантических бинарных комплексов. Исходным методологическим положением направления «от языка к культуре» является доказанное лингвистами утверждение, что лингвокультурный концепт (в том числе поэтический) имеет определенные репрезентанты, в которых, по выражению В. В. Колесова с коллегами, воплощается «дух народа» (Колесов, Колесова, Харитонов, 2014). Изучение и научная интерпретация культурных концептов в рамках оппозиций отражены в немногочисленных работах (Беляевская, 2023; Воркачев, 2022; Лотман, 2025; Цивьян, 2008). Оппозиции, образующие, как правило, бинарные семантические комплексы (термин М. В. Пименовой), включая УМ и СЕРДЦЕ, на поэтическом материале достаточно полно и глубоко не исследовались.

Практическая значимость работы заключается в возможности использовать полученные результаты в процессе преподавания дисциплин как лингвистической, так и литературоведческой направленности: «Когнитивные исследования национальных лингвокультур», «Корпусная лингвистика: использование и создание корпусов», «Языковая картина мира и национальный лингвокультурный код», спецкурсов по когнитивной поэтике, семантике, этнолингвистике, а также в лексикографической практике составления словарей языка современной русской поэзии.

Обсуждение и результаты

Исходной теоретической позицией проведенного исследования является методологически важное положение, в соответствии с которым анализ семантических признаков членов концептуальных оппозиций позволяет моделировать концептосферу русской поэзии. В поэтической концептосфере, говоря словами Д. С. Лихачева, концентрируется духовное богатство, ощущение которого в высшей степени «было свойственно особенно чутким к русскому языку поэтам» (Лихачев, 2022, с. 247). Национальное достояние культуры, несомненно, включает отражаемые в поэтическом дискурсе оценки и отношение к происходящему. Выражаясь образно, можно назвать персонифицированные источники таких оценок – УМ и СЕРДЦЕ – ценностными «агрегаторами» эмоционально-ментального состояния остро реагирующих на события поэтов.

По замечанию Н. К. Рябцевой, «новым перспективным направлением изучения эмоциональной сферы человека выступает моделирование полимодальности ее проявлений, а также *культурологически значимых интенциональных эстетических форм ее воплощения* (курсив наш. – О. К., Ч. Ц.)» (2020, с. 83). «При выявлении лингвокультурных сходств и различий... в способах репрезентации членов концептуальной оппозиции последовательно проводится концептуальный анализ каждого, ... выявляются концептуальные признаки» (Колесникова, 2023, с. 80). Доминирующей эстетической формой воплощения членов исследуемой нами оппозиции выступают метафорические преобразования концептуализируемого в поэтическом дискурсе семантического пространства чувств и мыслей. Поскольку сердце является наиболее значимым в поэтическом дискурсе объектом (в количественном отношении преобладает автоматизированная выборка контекстов с лексемой *сердце* – их в 3,5 раза больше), сначала рассмотрим концептуальную сферу моделируемого объекта в сегменте СЕРДЦЕ. С помощью когнитивно-дискурсивного анализа были выявлены **три основные модели**, представляющие в дискурсе современной поэзии сердце как лингвокультурный концепт: 1) «сердце – поэтизированное живое существо» (модель 1а), 2) «сердце – вместилище горьких чувств, отчаяния и потерянности», характерная для дискурса поэзии 90-х гг. XX в. (модель 1б) и 3) «сенсорная модель объективации признаков концепта СЕРДЦЕ» (модель 1в). Доминирующую когнитивную основу в дискурсе как совокупности текстов, созданных в период с 1987 по 2021 г., образуют семантические характеристики сердца как «вместилища человеческих переживаний, чувств».

Модель 1а. Сердце – поэтизированное живое существо

В поэтической интерпретации представлены следующие основные характеристики члена оппозиции СЕРДЦЕ, имеющие антропоморфные признаки:

1а-1 – черты образа жизни человека, его физиологические и духовные потребности и желания:

1) сердце, как и человек, всегда нуждается в любви: *Сердце хочет любви, даже если не бьется в груди, а мерцает в ночи, словно уголь, подернутый теплом* (С. Кекова. «Сердце хочет любви – и не может себя превозмочь!») <https://litteratura.org/poetry/3397-svetlana-kekova-kak-angel-i-vodopad.html> (здесь и далее – все примеры приводятся из источника «Поэтический корпус НКРЯ»); 2) сердце – хранитель мирооценок и ценностей, основа осмысленной жизни человека, его личностной системы и мировоззренческих позиций: *Ученые Пытаются разгадать Суть мироздания Не подозревая Что мироздание Это Я Мое Сердце Солнце моей вселенной* (И. Холин. «Я всеобъемлющ...»); 3) сердце способно говорить и выражать любые мысли, сожалеть о прошлом и печалиться. Оно дает возможность поэту творить: *И слово на моих устах – От преизбытка сердца* (И. Лиснянская. «У Бога дней не решето...»); 4) именно в сердце (не в памяти!) хранятся дорогие сердцу воспоминания: *Хочу воскресить своих предков, хоть что-нибудь в сердце сберечь* (Б. Окуджава. «Хочу воскресить своих предков...»); 5) так же, как душа просит о спасении, настрадавшееся сердце нуждается в очищении / облегчении страданий, обновлении и свободе: *Чтоб жили по вечному праву все те, кто для жизни рожден, вали меня навзничь в канаву, омой мое сердце дождем* (Б. Рыжий. «Мотивы, знакомые с детства...»); 6) творчество поэтов – это «работа» сердца. В эпоху литературного «андеграунда» свободное творчество противопоставляется официальной поэзии, отстаивая право талантливых людей писать честные и откровенные стихи. Так, А. Хвостенко и А. Волхонский, шутливо представляя себя «Мичуриными слова», подчеркивают: *вместо отрав и полей удобрений Нам служит талант наш и собственный гений И в наших сердцах эта дивная кладь Имеет родник не стремящийся вспять...* (Касыда министру культуры). И. Лиснянская также определяет место творческого озарения именно в сердце: *...И в сердце просыпаются Орфеи всех времен* («Вгоняют в одурь тихую...»); 7) в сердце заканчивается жизнь человека: *И всяк его шутке смеется, И женщины млеют при нем, И сердце его разорвется Лишь в пятницу, в августе, днем,* – пишет о С. Довлатове в стихах к его июльской дате дня рождения Ю. Мориц (Довлатов в Нью-Йорке). Перед смертью человек постигает высшую истину – эта мысль также интерпретируется через сердце: *Погибая, сердце набирает высоту* (Б. Рыжий. Памяти Полонского);

1а-2 – внутренние качества человека, концептуализируемые как в негативно-оценочном, так и положительно-оценочном планах (Таблицы 1, 2).

Таблица 1. Негативные качества сердца в поэтической интерпретации

гордыня	Еще блаженше ты станешь, боль и стыд стерпя, гордыню в сердце истребя (Т. Кибиров. Парафразис)
глупость	А глупое сердце надеется, ждет: А вдруг из сего простора Проглянет – и дружески мне подмигнет Зеленый глазок светофора? (В. Шефнер. «Ах, сколько их было, счастливых примет...»)
похоть	Что ж ты куражишься, сердце пустое? <...> Что ж опрометчиво так заключаешь с низом телесным союз? (Т. Кибиров. «Ну, началось! Это что же такое?...»)
лукавство	Не за то тебя, сердце, ругаю – Что темное и нездешнее, А за то, что сметливо, лукаво И безутешное (Е. Шварц. «Сердце,
сметливость	сердце, тебя все слушай...»)

Таблица 2. Положительные качества сердца в поэтической интерпретации

интуиция	Как в детстве сердцем знаем волны в озере так беспокойны (Г. Айги. Стихи об отсутствии)
способность любить	Все живое любил бы ласкал бы и тискал сердцем северным с детства прельстился пургой в ветре вертится время ажурно и влажно (А. Цветков. «Опрокинуто небо дырой на торец...»)
терпеливость, кротость	Атеистов исцелять труднее, чем кротких сердцем немощных старух иль нищих духом (Б. Ахмадулина. «Шесть дней небытия не суть нули...»)
чистота	Как дети в неведении сердцем чисты... (А. Кушнер. «Мы спорили, вал белопенный был нашему спору под стать...»)
честь	Они (материальные блага. – О. К., Ч. Ц.) – отрава сердцу моему , В котором живы честь, любовь, отвага (Ю. Мориц.
отвага	«А я имею право не хотеть...»)

1а-3 – чувства человека, образующие главный, ядерный центр модели 1.

1а-3.1. К чувствам, интерпретируемым в негативной плоскости, относятся: тоска – *Заране тяжело утруждать себя **тоской сердце**, предавшихся кручине* (Б. Ахмадулина. «Шесть дней небытия не суть нули...»); обида – *Не **трави свое сердце обидой*** (Ю. Мориц. «Не завидуй, мой внук, не завидуй...»); скука – *Наше **сердце** немедленно **стиснут*** Скука вместе с зеленой тоской (Ю. Мориц. Чтоб летали мы все и росли!); ненависть – *и **ненависть** тоже **селилась, Сердце делала черным...*** (С. Стратановский. Гэсэр и лама); грусть, ощущаемая человеком болезненно, физически, – *И **сердце** в грусти страшно **ныло...*** (Л. Лосев. Кавказский пленник); скорбь – *скорбь о Кимрах **трудно в сердце прятать*** (Б. Ахмадулина. Прощание с капельницей); чувство одиночества, опустошенность – *Что-то было и что-то прошло, только **сердце, как лес, опустело**, наваждением листвы прошумело, в листопаде замкнуло тепло* (И. Жданов. «Тихо сердце, как осень, горит...»); Слезы, угрозы, ***разграбленные сердца**, прозы помарки и зимних цветов пыльца* (Е. Рейн. В Павловском парке) – о поэтах-эмигрантах и расставании с ними, об их судьбе; усталость – *И в соответствии с этой листвой екнуло сердце, **сердце устало*** (Т. Кибиров. «Осень настала. Холодно стало...»); равнодушие, в основном к окружающему миру с его недовольством, завистью, обидами – ***Устремленный в сердце**, проходит мимо нож* (Б. Кенжеев. «Упрекай меня, обличай, завидуй...»); страх – *Вот так, испуганная с детства, заикой мысль моя живет **в глубинах сердца** – и течет...* (Н. Байтов. Нескончаемые сетования).

1а-3.2. В позитивной оценочной плоскости концепт СЕРДЦЕ интерпретируется поэтами через следующие семантические характеристики с признаками эмоциональной и нравственной сферы внутреннего мира человека: чувство гордости за Родину – *И над рейхстагом наше знамя горит, как **кровь наших сердец!*** (А. Еременко. Штурм Зимнего); верность себе. Сердце, в интерпретации поэтов, бунтует против призывов к внутренней перемене, отказу от своих творческих принципов – *Но слышится: а ты пиши попроче. ... И **дух смирения в сердце оживи...*** (Б. Ахмадулина. В Боткинской больнице); тревога, которая для поэта становится «толчком» к творчеству, основой передачи жизнеутверждающего смысла. Тревога в сердце дает право считать сердце живым – *Отданном на откуп только мгле, Только в маяке свеча все та же, Что всю жизнь **тревожит сердце** мне* (А. Межиров. «Ночь на аннексированном пляже...»); сострадание, сочувствие (способность к сопереживанию) – *в пламя, в состраданье крепкое, как клещи, **сердце схвачено и блещет**, как тот куст: горит и не сгорит* (О. Седокова. Хильдегарда); восхищение красотой мира – *Прелесть, от нее **дрожит сердце** возле птиц или ночниц бледных* (М. Айзенберг. «Прелесть, от нее дрожит сердце...»), музыкой поэтического слова: *музыка моя, слова, ах, как музыка играет, только **сердце замирает** и **кружится голова...*** (Ю. Левитанский. «Музыка моя, слова...»); страсть к борьбе – *Ничего ты от Бога не скроешь, **дух мятежный мой**, лгун и гордец, **собирает** летучих сокровищ, влажных слов и **разбитых сердец*** (С. Кекова. «Небеса – нашу общую крышу...»).

Большинство семантических характеристик, вошедших в состав лингвокультурологической модели концепта СЕРДЦЕ, соотносятся культурно значимым в русской картине мира константам (Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2012; Колесов, 2014).

Модель 1б. Сердце –местилище горьких чувств, отчаяния и потерянности в эпоху потрясений

В поэзии 90-х гг. XX в., переломную эпоху жизни России и ее народов, через лексему *сердце* передается преимущественно трагическое мироощущение авторов стихов. И. Лиснянская так описывает его по аналогии с колючей розой:

Время разбоя, время тротила, радиобездны...

Ребра бодает

Сердце – рогатая роза, роза терпенья,

Роза раденья (Ветер покоя).

Доминирующими семантическими характеристиками концепта в дискурсе выступают:

1б-1 – признак «**физическая боль**». Образ острой боли, к примеру, использует С. Кекова, интерпретируя происходившее в 90-х: *смотри, в какой стране нам выпало родиться – ей в **сердце вбили гвоздь**, и он растет как стебель...* (Игра в шар);

16-2– признак «душевная боль», который чаще всего не эксплицирован, реализуется в образных перифрастических высказываниях (например: *горюющее сердце изношено плачущей постоянно душой* (Г. Айги. «Грустно, – и погода дождит...»)) или через прецедентные факты речи. К примеру, в следующем контексте используется лингвокультурема «белый пароход», известная по рассказу Ч. Айтматова: *Я ушел. Остался в сердце пароходик ранкой белой. Я уехал к черту в гости, только память и осталась* (Б. Рыжий. Было в Петербурге). Крах юношеских надежд на счастье в будущем ощущается автором физически, боль возникает из-за расставания с любимой и городом, в котором «счастья нету».

В сердце поэтов ощущается боль от двойственного отношения к переменам в стране. С одной стороны – это осознание их необходимости: *Хмелем замешена, солодом память холодной войны* (Н. Горбаневская. «Хладом повеяло, холодом...»). С другой – страх возвращения того, что уже в прошлом: *С надвое сердцем расколотым косимся, как в протокол: накрепко ль над серпомолотом вбито осиновый кол?* (Н. Горбаневская. «Хладом повеяло, холодом...»).

Для реализаций данного признака характерна традиционная метафора сферы «огонь», в которой поэтами 90-х интерпретируются эмоциональные признаки тоски, душевной боли. В этом когнитивном плане передается трагическое ощущение мира, которое свойственно ряду поэтов. Например, в рамках этой сферы передает свою скорбь от ухода друзей, чувство одиночества Б. Рыжий: *Мое сердце в огне. Черной шалью на плечи накинувши вечер, я гляжу за окно. И течет по ладони закатом разбрызганный розовый яд* (Б. Рыжий. «Летний вечер в окне...»).

Модель 1в. Сенсорная модель объективации признаков концепта

Концептуальный анализ контекстов с лексемой *сердце* позволил установить четыре направления, в которых интерпретируются его свойства в зависимости от канала восприятия окружающего мира человеком. Фокусируясь в «сердце», эти свойства выступают способом передачи поэтического смысла.

1в-1 – аудиальный компонент: сердце – орган слуха / производитель звуков

В поэтической картине мира, отражающей интерпретацию сердца в текстах современных поэтов, сердце так же, как человек, способно воспринимать звуки, образуемые в разных когнитивных плоскостях. Данная семантическая характеристика, как показывает лингвокультурологический анализ дискурса, реализуется в разных конструируемых поэтами пространствах:

- окружающей мира, природы. Чаще всего природа становится источником отражения звучания ее проявлений в «сердце»: любые происходящие в ней изменения «отдаются», в интерпретации поэтов, в области сердца – *До боли снежное и хрупкое сегодня утро, сердце чуткое насторожилось, ловит звуки* (Б. Рыжий. 7 ноября); *слышно, как наст на болоте трещит И ухаёт в сердце моем* (И. Лиснянская. Музыка);

- общения с Богом, ангелами – *Бога слышало тайное сердце в груди, Сердце слушает ангела тайну, Что поет он в ночной тишине; И творится наитие в сердце, Бога слышит в природе оно, И далеко-далеко до смерти* (О. Охупкин. На пути в Эммаус); в том числе – иносказательно – при чтении Библии – *И один от рождения буквоед, а другому ветхий стучит завет прямо в сердце, жалуясь и тоскуя* (Б. Кенжеев. «Керосинка в дворницкой угловой...»);

- музыки. Воспринимаемая сердцем, музыка прошлых лет причиняет боль и страдания – *9 мая <...> всюду день-деньской надрыдают сердце «аты-баты» – коллективный катарсис такой* (С. Гандлевский. «Мама маршевую музыку любила...»). Надо отметить, что в дискурсе современной поэзии музыкальная метафора выступает традиционным средством выражения чувств, например: *такое блаженство под сердцем растет, такая музыка поет!* (Т. Кибиров. «Бодливой корове бог рог не дает...»).

Отсутствие «звуков» в сердце означает отсутствие чувств, что для поэта означает отсутствие смысла: *Причудливый грохот листьев, возбужденный дождем, услышан мною в ночи, но если сердце молчит, молчит и ночью, и днем, то этот грохот бессмыслен* (Е. Сабуров. «Я обернулся на зов...»). Когда сердце «замолкает», творчество невозможно: *Зеркало, где бытие, Словно сердце стихшее, Где сейчас умрет мое Двенадцатистишие* (И. Лиснянская. «Неизвестно кто и в чем...»). Голос сердца дарит поэтам радость творчества.

Слух также интерпретируется в поэзии как ключевое условие творчества – когда нет звуков, пропадает способность творить, и поэт называет свою кровь «глухонемой». О муках творца, неспособного «услышать», пишет И. Жданов: *Меня как будто нет. Мой слух ушел за звуком, но звук пропал в ночи, лишая время сна. Задрал бы он его, как волка на охоте, и в сердце бы вонзил кровавые персты* (Крещение).

Истинного поэта отличает способность слышать свое сердце. Так, звуки биения сердца пугают его, они неуместны в ночи: *Я гляжу на свет из тьмы: не так громко, сердце, тише – тут хозяева не мы* (Б. Рыжий. «Пела мне мама когда-то...»). Звуки «грохочущей» крови рожают сильные чувства в душе поэта: *Но это же сердце – грохочет там кровь – Наводит надежду, что в гневе сокрыта любовь* (Е. Шварц. Большая элегия на пятую сторону света).

1в-2 – визуализируемый компонент: сердце – орган зрения. В немногочисленных фактах зафиксированы случаи метафорической репрезентации признаков когнитивной сферы «зрение». Во-первых, зрительная семантика может быть основой для передачи чувств: печали – *сердце смеркается, словно Европы пустой силуэт, обреченный волнам* (Ю. Гуголев. «Но это случится уже без меня...»); страха – *А сердце озирается, как тварь, Когда ее на рынке покупают* (М. Степанова. Гостья) – здесь описана ситуация состояния героя, увидевшего призрак умершей жены, тоска от расставания с которой остро переживается героем. Во-вторых,

в визуальной метафоре заложен интерпретационный признак сердца как ключа к пониманию мироустройства: *Сердце, сердце, прозрей же скорей!* – старается постичь истину героиня стихотворения «Большая элегия на пятую сторону света» Е. Шварц. «Прозревшие» получают знание из священных книг, постигая его сердцем: *на часах Лука, Иоанн, Марк и Матфей В розовом сумраке сердца сошлись со связками книг*. В-третьих, сердце в поэтической интерпретации обладает «внутренним зрением», помогая человеку постичь смысл вещей и самой жизни, даже если «уходит» физиологическая способность видения окружающего мира. Так, в стихотворении О. Юрьева «Стихи к уходящему зрению» осознание такого «перемещения» переживается поэтом: *Там в аорте, в ртутной пене, Розою расцвел зрачок... Ты уходишь в сердце, зренье? Но оставь хоть чуть, клочок...* (Стихи к уходящему зрению).

1в-3 – тактильный компонент: сердце – орган осязания. Редкий случай, зафиксированный в языковом материале, – передача тактильных признаков. Основной здесь – ощущение холода: *Горит промерзлая до сердца Звезда над пригородным морем...* (Е. Шварц. Имперская звезда); *Тишина, И в сердце ни единая струна Не отзовется, разве холод некий* (О. Охупкин. «Как вымирает чувство в человеке!...»). К тактильным можно, на наш взгляд, отнести и признак физически ощущаемого магнетизма, который свойственен поэтам: *И намагниченным участком сердца Перебираю черные сухари Под матрасом, компас и атлас мира* (М. Степанова. «Что с того, что скорый почерк полинял...»). Б. Кенжеев, мысленно споря с прозаиком, призывающим: «...не ищи сравнений – они мертвы...», передает сильное ощущение «намагниченности» поэтического сердца, в котором нет вдохновения: *...не в рифму мороз скрипит, чтобы сердце сжал ледяной магнит, – и округа дремлет, и голос спит...* («...Не ищи сравнений – они мертвы...»).

Тактильный признак объективируется и в эротической сфере – в этом случае он характеризуется в негативном ключе: *Сердце бьет в эрогенную зону чем-то вроде копыта коня. <...> Я бы мог, но не буду, не стану, я теперь никого не виню, бережит смехотворную рану сердце – выскочка, дрянь, парвеню. Сердце глупое. Гиблая зона* (Д. Новиков. «Сердце бьет в эрогенную зону...»).

1в-4 – вкусовой компонент: сердце – орган вкуса. Приписываемые сердцу вкусовые свойства (обычно это признак «сладкое») крайне редки, но они всегда свежи и неожиданны: *Кислота его и сладость поражают сердце вдруг, как изломанность и слабость исхудавших детских рук* (С. Кекова. «Ах, как ягоды алеют...») – больного ребенка пытаются порадовать апельсином. Также отмечены еще несколько фактов, в которых реализуется семантика вкуса, – это идиома: *Сердце больно и сладко щемит* (В. Уфлянд. Песня про Калашникова); ироничный окказионализм (по аналогии с «властитель»): *Сердец сластитель и умов. Творец вместительных томов* (В. Уфлянд. «Сердец сластитель и умов...»); метафора: *Замирает сердце сладко, И верчу я головой!* (Ю. Мориц. В цирке) – о восторге зрителя; перифраза: *Сладкая дрема сердца неосторожным словом нарушается* (Б. Кенжеев. «Аще выберусь к свету из ночи...») – о молчании.

В нашем материале и, соответственно, в модели отсутствуют факты с пятым компонентом рецептивной сферы человека – обонятельным. Признак «запах», видимо, не представляет значимости в современном поэтическом дискурсе.

Вторым членом исследуемой концептуальной оппозиции выступает концепт УМ, традиционно противопоставляемый концепту СЕРДЦЕ на основе устоявшегося в русской культуре представления о рациональном и эмоциональном как двух сторонах человеческой концептуальной системы. Тенденция к динамике такого представления в концептуальной интеграции показана в публикации одного из авторов (Чжан Цян, 2026).

В настоящем исследовании культурно значимое явление их сближения (уравнивания) и нейтрализации противопоставления аргументируется элементами следующей когнитивно-лингвокультурной модели.

Модель 2. УМ – носитель человеческих качеств

Рассматриваемые ниже характеристики обнаружены с помощью семантического и контекстуального анализа, выполняемых в рамках когнитивно-дискурсивного анализа материала. В массиве фактов признаки концепта УМ объективируются главным образом в двух лексико-семантических вариантах слова-репрезентанта: «познавательная и мыслительная способность человека, способность логически мыслить» и «сознание, рассудок» (Словарь русского языка, с. 488-489). Как отмечал С. Г. Воркачев, «корневой метафорой ума в языке выступает его отождествление с неким виртуальным органом мысли» (Воркачев, 2017, с. 54). Когнитивной основой предлагаемой модели здесь является трансфер внутренних качеств человека на его интеллект. Особенностью поэтической интерпретации ума является то, что дискурс современной поэзии всегда носит эмоционально окрашенный характер.

2а – позитивные характеристики ума: 1) **сила** – *За робостью в ее уме Упрямая таилась сила* (С. Липкин. Квадрига) – свойство «упрямая» интерпретируется как присущее не физическому объекту, а психическому (упрямство – свойство характера человека). Также признак силы звучит в номинации «мощный» по отношению к небу как высшим силам – *с его умом столь мощным что меняется лишь силами без сдвига оставаясь неизменным (я силой был средь сил я знаю то что знаю и отдавал себя как высший дар)* (Г. Айги. К разговору на расстоянии); 2) **гениальность** – *Сократ напротив возлежит, В уме идею ворошит, И гениальный ум кишит Загадочными пу-
стяками* (Ю. Кузнецов. Сонная беседа). Здесь с шутливым ироническим оттенком репрезентируется отношение автора к уму гения, озабоченного разгадкой пустякового, незначительного или неважного; 3) **ясность** – *Я много головою ударялась О выступы, о стены, о дома, Но миру твердому не удавалось Проникнуть в масло ясное ума* (Е. Шварц). В этих строках из текста «Стихотворение растет как сталактит...» утверждается, что, несмотря на ошибки и внешние обстоятельства, разум не сломлен. Даже в трудных ситуациях мысль работает, ум сохраняет

ясность сознания. С лингвоэстетической точки зрения следует отметить, что эта характеристика усиливается за счет антиномии «твердый» – жестокий (мир) и мягкий (признак репрезентируется в метафоре «масло»... ума). Ясный ум оказывается сильнее жестокого мира; 4) **благородство, порядочность, праведность** – *Спасешься ль, на войне ль погибнешь, иль в шахте, – едок, да не пошел твой ум* (Б. Ахмадулина. «Смех без причины... – знаем, знаем...») – в этом фрагменте акцентируется отсутствие у ума... пошлости – этому отрицательному качеству человека противопоставляются качество «порядочность» и благородство. Праведность может подчеркиваться косвенно, например: *Крещусь в испуге: мысль моя греховна, в даль от ума неправедно ушла* (Б. Ахмадулина. Невольные прегрешения в ночь на 25 декабря). Ум определяет путь к духовному совершенству: *А какой-нибудь мальчик, родившись в буддийской семье, Может стать Далай-Ламой, – все дело в любви и в уме* (А. Кушнер. «Мир становится лучше, – так нам говорит Далай-Лама...»); 5) **гибкость** – *Гибкий мой ум с рассеянем свылся, Есть и в Исоде моя повадка... Вот и кажусь загадочней сфинкса, Ибо сама для себя загадка* (И. Лиснянская. Под созвездием пса). Гибкость ума определяет возможность духовного развития: в иерусалимском храме героиню, в лучах рассеянного света в ночи, посещает мысль о близости языческой веры и христианской – *Тайна язычества в том, что втайне Служит оно единому Богу* (И. Лиснянская. Под созвездием пса); 6) **прозорливость и интуиция** – *Нет, не зачах он, не иссох, Его не съела смерть сама, Его нам выцарапал Бог На яблоке глазном ума* (Е. Шварц. Дни страстной, 2008); *Живу – и умереть не смею: Боюсь, что после смерти я Воскресну – и умом прозрею В ином квадрате бытия* (В. Шефнер. Ночные строки). Именно ум (как и сердце) наделяется признаком видения (зрения), то есть осознания тайн бытия и смерти. Такой ум дан только Богу: *Огарок той свечи, чей прозорливый гений мой ум превосходил, я горестно храню* (Б. Ахмадулина. «Июля первый день живописатель цвета...»). С его помощью побеждается зло: *...с верхним светом ума и даром речи весь повергнутый в ужас но не подобранный мир в тишине где не было бога и мертв шекспир...* (А. Цветков. «двадцать третье апреля гостей снарядил и лег...»). Выражение «верхний свет ума» говорит и о признании особого таланта художников слова: *верхний – данный Богом (одаренность), а свет – способность видеть то, что не видят другие*. Возможно, это особое зрение творцов, их прозорливость и интуиция; 7) **изобретательность** зафиксирована в единичных случаях, например – *Появилась уйма новых штучек, Все тут есть, уму большой почет, Только нет таких вот авторучек, Из которых медленно течет* (Ю. Мориц. «Появилась уйма новых штучек...»); 8) **мечтательность** («полет мысли») – *Не в ту степь мою жизнь покачнуло, Не в те дали заносится ум* (Ю. Кузнецов. Старый сотник); *Ум там – где медь и шар И где заклепанный туманный Огромный глаз* (Е. Шварц. Ум в поисках ума); *Зачем же мой ум не дает мне заснуть, гуляя в полях облаков?* (Н. Байтов. «Подруги рабочих смеялись всю ночь...»).

Ум также интерпретируется поэтами с помощью ряда позитивных оценочных качеств в эпитетах: *Здравствуй, ласковый ум и мужская, упрямая кротость!* (А. Кушнер. «Дорогой Александр! Здесь, откуда пишу тебе, нет...») – мысленно обращается поэт к Пушкину; *Слепые будут слышать белый шум, Хромые оседлают легкий ум, а если ты захочешь в небеса – я плюну в твои мутные глаза* (А. Миронов. Облегчение).

2а – негативные характеристики ума. Обычно фиксируются в иронически окрашенном дискурсе и реализуются с тончайшими смысловыми оттенками:

1) слабость. Носителем этого качества может выступать и человек – *Пусть грешник слаб умом, зато не так он плох, не вовсе отлучен прощением церковным* (Б. Ахмадулина. Ночь возле елки), и робот – *Робот – раб Умом слаб Работает Как ломовой Питается Алюминиевой шелухой* (И. Холин. «Робот...»). Слабость ума не предполагает его отсутствие, его слишком мало – *Хоть не слаб умом – не достать ума...* (Б. Рыжий. Московский дым). Ум слаб, когда устал: как человек, он плохо «соображает», не способный понимать происходящее. Ум устает из-за старости – *Мне в общем-целом все равно на склоне этих лет. И стало трудно понимать усталому уму* (Т. Кибиров. История села Перхурова), *...я давно уже пенсионер, – поверхность ума заржавела, на душу хромая, на тело, калекою ходишь теперь* (Л. Иоффе. «Я был юным абитуриентом...»).

Про усталость ума поэты говорят и в шуточной форме: *Ты – та, откуда исчезает привычка дряблого ума* (Н. Байтов. «Ты – та, откуда исчезает...»); *Уставший от молений ум приветствует миллиеииииум!* (Л. Лосев. Поздравления друзьям на 2000-й год).

В поэтической интерпретации ум слаб, если не понимает «промысла Божьего», а человек не следует заповедям Божиим, в том числе в поэтическом творчестве. Так, Б. Ахмадулина, обращаясь в православии в трудный из-за болезни период жизни, осмысливает свои творения и осуждает в них отсутствие идеи веры в Господа и свое незнание: *Ангелов Творче и Господи сил, отвержи ми недоуменный ум...* (недоуменный здесь – не способный понять промысла Божьего). Поэтесса молит о помиловании и спасении: *Неумение просвети ума, поозяб в ночи занемогший мозг* (Б. Ахмадулина. На мотив икоса).

Слабый ум, интерпретируемый как неспособный четко и содержательно мыслить, характеризуется негативным оценочным адъективом «пустой»; он осуждается: *Созвездий небесное братство, причуда пустого ума, зачем мне чужое богатство, высоких снегов закрома?* (С. Кекова. «Созвездий небесное братство, причуда пустого ума...») и осмеивается: *...где со своими бедными «у» аукается индивидуум, у коего только для виду ум, а взаправду – «ага» да «агу»* (Н. Горбаневская. Соглядатай). «Пустому» уму не найти смысла жизни, а значит, не решить вечную проблему человеческого разума: *В чем смысл жизни? Есть ли он? Если есть, то почему зашифрован и мудрен, темен нашему уму?* (Т. Кибиров. Ответ Ю. Ф. Гуголеву).

Еще один яркий случай языковой объективации характеристики «слабость» ума в поэтическом дискурсе – творческое бессилие: *Пусть рифмы мои эфемерны, в метафорах – вялость ума, зато и тарифы умеренны: садись – прокачу задарма!* (Н. Байтов. Поезд).

Признак «слабость» также репрезентируется в дискурсе поэзии за счет оценочных конкретизаторов-синонимов, например, *скудный*: Толкнул тебя на путь обманной *Сверхгениальный идиот*, Прельстил космическою манной Твой *скудный ум* и твой живот (В. Шефнер. Едоку – дураку), – а также посредством безоценочных средств, когда поэт прямо указывает на неспособность к осознанию или пониманию: *Моему недоступно уму*, как так можно все шастать по свету, предрекая потоп иль чуму, – пусть не мне, мирозданью всему (Ю. Гуголев. «Отвяжись, я кому говорю...»);

2) **неясность мышления** характеризуется в поэзии чаще всего через визуальные признаки темноты (мрака) или тумана в атрибутивах: *То-то на Москве темна завеса ума*, а широко и далеко видать с любой колокольни (Н. Байтов. «Как поехал Исидор на флорентийский собор...»); *Сиренев мрак свирельного подарка, туманен ум* – на Врубеля сошлюсь (Б. Ахмадулина. 31 декабря: к елке). Цветовой характеристике могут сопутствовать обонятельная и тактильная. Так, у Н. Байтова иронический образ бесплодного разума типичного сотрудника НИИ создается синтестезией: *Он, тем не менее, добудет трофеи: мрак ума, страх и срам. Смерд того же ума*, напряженно скорчившегося в себе. Это поистине будет бомба, спрятанная в статье (Н. Байтов. Мертвая тема). Мрачность как визуальный признак выступает в поэтической этимологии реализацией оттенка значения «потеря способности понимать окружающее» (Словарь русского языка, 1999, с. 494): ты (луна. – О. К., Ч. Ц.) напоминаешь нам о себе то приливами крови или балтийскими, то *ума помраченьем* (Г. Дашевский. «Москва – Рига»). При вербализации данного признака также могут звучать нотки неодобрения шабаша и блуда. Их наказание страшно, хотя оно рационально не осмысливается умом (рассудком): *И вослед великий гром грянул. И неясные уму*, но властные с небес раздались клики (Т. Кибиров. Воскресенье).

Семантическая характеристика «неясность» ума также реализуется в дискурсе в предикативных метафорах: *Ум спотыкается* (А. Хвостенко. Гобелен); *Ум плывет и бредит: где цель моя?* (Б. Ахмадулина. Возвращение);

3) **шаблонность мышления**, как правило, вызывает резкое осуждение: *И выдавало каждое движение, как заштампован ваш свободный ум* (Б. Рыжий. На смерть поэта); *Веком прошлым вышколен ум*. И горе ему (Н. Горбаневская. «Запинаюсь и некая...»). Здесь характеризуется человек, не столько «приученный к строгому порядку, соблюдению общепринятых норм и правил поведения (обычно муштрой)» (Кузнецов, 2000), сколько загнанный в рамки, боящийся самостоятельно мыслить. «Вышколенному» уму не понять вкус истинной свободы, она ему недоступна. М. Айзенберг пишет о людях, живущих без свободы думать и любить не то, что полагается или принято в обществе, а то, что важно им самим: *Крепостное их невидимое зодчество и свобода, недоступная уму*, отторгают имя или отчество (М. Айзенберг. «Люди-тени, люди в шапках-невидимках»).

Шаблонного мышления требует система: *Кто сейчас расчленил этот сложный язык и простой, этот сложенный вдвое и втрое, на винт теоремы намотавшийся смысл, всей длиной, шириной, высотой этот встроенный в ум и утроенный ужас системы* (А. Еременко. «Я сидел на горе, нарисованной там, где гора...»).

4) **язвительность** – это качество метафорически репрезентируется посредством сравнения с ножом, бритвой и скальпелем: *Как видишь, наш ум в совершенных быстр И остр как бритва и режет как нож* И шкуру без мяса и мясо без кож (А. Хвостенко. Касыда министру культуры); *Упрям, как мул. Ум – бритва*. Разговор с ним – битва (И. Холин. «Лицо – икона. Сутул...»); *И луч ее падал повсюду, как нож, – скептический скальпель ума* (Н. Байтов. «Подруги рабочих смеялись всю ночь...»);

5) **хитрость** как негативное качество ума репрезентируется описательно, например, перифразами: Он думал дни и ночи напролет, *В его уме созрел коварный ход* (Ю. Кузнецов. Улыбка старого скопца), а также маркерами-конкретизаторами неодобрительной оценки: *Для посягательств прыткого ума* возбранны створки замкнутой вселенной (Б. Ахмадулина. Одевание ребенка); *Биржевик промышляет умом*. А моя заключается служба в сумасбродстве, напротив, самом (Д. Новиков. «Сила есть, а ума мне не нужно...») – в контексте противопоставляется расчетливость делового человека и лирика. Лирику с его «просвещенным умом» деловая хватка не свойственна: *Улыбаясь, ставит крупно, глядя в будущую тьму по системе, недоступной просвещенному уму* (Б. Кенжеев. «Раз, заехав в Баден-Баден...»). Поэты не лукавят, не обманывают читателя: *Читатель не предполагает и не мерещится уму, ум потому и не лукавит* (Б. Ахмадулина. «День августа двадцать шестой...»);

6) **невежество**. Эта парадоксальная черта объективируется в дискурсе поэзии также опосредованно. Например, у Б. Ахмадулиной – через образ чертополоха, который имеет ряд символических значений в разных культурах, в основном, позитивного плана. Он может трактоваться как символ чистоты, оберег, олицетворение стойкости. Однако в следующем контексте реализуется индивидуально-авторский вариант, связанный с восприятием формального, внешнего образа слова: *Невежда возлюбил галерку. Его ума чертополох питал чертог, где тесно локтю* (Б. Ахмадулина. Посвящения). Данный смысл, на наш взгляд, близок трактовке растения в русской лингвокультуре в целом: чертополох и в обыденном (наивном), и поэтическом сознании – что-то алогичное, путаное и нечеткое, как заросшие «сорняками» мысли невежественного человека;

7) **упрямство, своенравие** – в религиозных стихах это грех: *По молитве дается строптивость ума* обороть: *Встань, иди в Ниневию и делай, что скажет Господь* (О. Чухонцев. «Вот Иона-пророк, заключенный во чрево кита...»);

8) **алчность** – всегда осуждается поэтами. Так, о завистниках А. Битову Б. Ахмадулина пишет с обвинительным пафосом: погоня за почетом и славой любой ценой достойна только презрения: *Нет, Битов, нет, достанет всем ревнивым щедрот, добытых алчностью ума* (Б. Ахмадулина. Отступление о Битове). А. Кушнер пытается понять расчетливых людей, признавая: *На свет Не рассмотришь ни ум, ни тоску, ни изъяз в воспитанье* (А. Кушнер. «Люди, кем-то замечено, делятся также на тех...»).

Добавим, что в исследуемом материале также зафиксированы единичные характеристики, содержащие неодобрительную оценку следующим свойствам ума: 1) нетерпеливость – *Ты масла с собой не взяла, ты терпенья в ум не вложила и без факела выйдешь, без факела выйдешь – позор!* (О. Седакова. Элегия смоковницы); 2) тщеславие – *«Без тщеславия ум не заметен, а жаль», – в печь стрельнул папиросою метко, – «вот и лезет в отличники всякая шваль»* (Н. Байтов. Стансы (куплеты)); 3) «заумь» – *И ум излишен, вознесенный в заумь: предавшись ей, заблудший ученик не сможет зоркий обмануть экзамен, судьба вздохнет и «неуд» причинит* (Б. Ахмадулина. Послание).

Таким образом, в поэтической интерпретации концепта УМ при объективации лингвокультурных признаков в современном дискурсе преобладают интеллектуальные и нравственные характеристики. Такую интерпретацию можно считать антропоморфной.

Заключение

В результате исследования были сделаны следующие выводы.

В сформированном исследовательском корпусе за 1987-2021 гг. объем языковых реализаций концепта СЕРДЦЕ превышает объем реализаций концепта УМ в 3,5 раза, что говорит о его доминирующей роли в поэтической картине мира в рамках оппозиции УМ/СЕРДЦЕ. Выявленные семантические характеристики позволили систематизировать массив фактов и распределить анализируемые контексты в зависимости от когнитивной основы поэтической интерпретации.

СЕРДЦЕ концептуализируется как живое существо со свойственными ему чертами образа жизни, потребностями, чувствами, то есть ведущими семантическими характеристиками выступают признаки эмоциональной и нравственной сферы внутреннего мира человека. Установлено, что в 90-е гг. XX в. под влиянием внеязыковой реальности СЕРДЦЕ интерпретируется через эмоциональные признаки тоски, душевной боли, при этом фиксируются случаи их традиционного метафорического переосмысления в сфере «огонь». Сенсорными характеристиками являются преимущественно аудиальная и визуальная. УМ концептуализируется в современном поэтическом дискурсе как носитель человеческих качеств, получающих полярные оценки. Ведущими семантическими характеристиками лингвокультурного концепта УМ являются метафорические характеристики интеллекта, среди которых как позитивные (сила, гениальность, ясность, благородство и др.), так и негативные (слабость, неясность, шаблонность и др.).

Таким образом, концептуально-семантическое пространство отечественной поэзии, интерпретируемое в бинарном комплексе УМ/СЕРДЦЕ, отражено в нескольких моделях. Все установленные с помощью моделирования признаки ценностно-смысловой интерпретации оппозициантов позволили выявить эмоционально-ментальные черты мировидения субъектов дискурса – поэтов как современных носителей национальной лингвокультуры.

Перспективой дальнейших исследований, посвященных когнитивно-лингвокультурному моделированию, является расширение круга объектов в сфере концептуальных оппозиций, представляющих культурологическую ценность и устанавливающих ведущие ценностные черты осмысления дихотомически представленных в языке ключевых фрагментов национальной картины мира – как в поэзии, так и любом ином языковом пространстве.

Материалы исследования | Research materials

1. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014. Т. 2. П-Я.
2. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. Авторская редакция, 2000. <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar>
3. Поэтический корпус Национального корпуса русского языка. <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggJ>
4. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Изд-е 4-е, стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. С-Я.

Источники | References

1. Беляевская Е. Г. Дискурсивная реализация концептуальных оппозиций как мера креативности дискурса // Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: Вариативность, креативность, эксперимент: сборник статей. М.: Р. Валент, 2023.
2. Воркачев С. Г. Семантические комплексы в российской антропологической лингвистике: смысловые единства и их составляющие // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2022. Т. 8. № 2. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-2>
3. Воркачев С. Г. Метафорика мудрости в поэтическом дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 1 (25).
4. Воробьев В. В. Теоретические и прикладные аспекты современной лингвокультурологии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 13 (724).

5. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2012.
6. Колесникова О. И. Национальная картина мира, ее ценностные аспекты и культурные коды в объективе современной лингвистики: методы научного исследования. Киров: Вятский государственный университет, 2023.
7. Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. Изд-е 3-е, доп. СПб.: СПбГУП, 2022.
8. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: АСТ, 2025.
9. Маслова Ж. Н. Творческое языковое сознание: монография. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, 2015.
10. Маслова В. А., Пименова М. В. Индивидуально-авторская картина мира в аспекте ключевых концептов. М.: ФЛИНТА, 2025.
11. Рябцева Н. К. Эмоциональная сфера человека: интегральное представление эмоционального, рационального и эстетического в состояниях сознания в языке и коммуникации // Представление эмоциональной сферы человека на материале разных языков: коллективная монография. М., 2020.
12. Тарасова И. А. Концептуальное моделирование как методологическая основа анализа корпусных данных // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. <https://doi.org/10.17223/19986645/63/10>
13. Тарасова И. А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, метод: монография. М.: ИНФРА-М, 2019. https://doi.org/10.12737/monography_5a0a9111f301b8.88351304
14. Цивьян Т. В. Язык: тема и вариации: избранное: в 2 кн. М.: Наука, 2008. Кн. 2.
15. Чжан Цян. Прагмаэстетическая стратегия репрезентации концептов СЕРДЦЕ/УМ в поэзии нашего времени // Когнитивные исследования языка. 2026. № 2-1 (67).
16. Чумак-Жунь И. И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII – начала XXI веков: монография. М.: Директ-Медиа, 2014.
17. Язык и национальное сознание: вопросы теории и методологии: научное издание (монография) / З. Д. Попова, И. А. Стернин, А. П. Бабушкин и др. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002.

Информация об авторах | Author information

Колесникова Ольга Ивановна¹, д. филол. н., проф.
Чжан Цян²

^{1, 2} Вятский государственный университет

Olga Ivanovna Kolesnikova¹, Dr
Qiang Zhang²

^{1, 2} Vyatka State University

¹ usr08728@vyatsu.ru, ² chzan29@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 24.07.2026; опубликовано online (published online): 11.08.2026.

Ключевые слова (keywords): современный поэтический дискурс; концептуальная оппозиция УМ и СЕРДЦЕ; когнитивно-лингвокультурологическая модель; лингвокультурема; семантические характеристики; contemporary poetic discourse; conceptual opposition MIND and HEART; cognitive-linguoculturological model; linguocultureme; semantic characteristics.